

КРОКОДИЛ

В ПУСТЫНЯХ СИРИИ.

Рис. К. Елисеева

— Французы идут... Культуру несут... Стало-быть, покушаем.

СЧЕТОВОДСТВО.

(В общественной организации).

Рис. А. Радакова.

Почет.

Отчет.

Расчет.

ПЕРЕОЖИВЛЕНИЕ.

Посмертный рассказ.

Вчера, вернувшись с общего собрания, я почувствовал себя нехорошо, лег на кровать, повернулся лицом к дере... тьфу,—к стене и приготовился испустить дух.

Жена, конечно, заголосила:

— Д'на кого ж ты нас спокидаешь!.. Я, что ль, за тебя на общие собрания буду ходить?

Но я сказал:

— Обожди. Не скули. Дай с мыслями собраться перед несправедливою кончиной. Окинуть, так сказать, ретроспективным взором, в общем и целом, и чтоб получилась увязка.

Жена побежала за докладчи... тьфу,—за доктором. А я начал собираться с мыслями в целях охвата прошлого и увязки его с текущим моментом.

Как сейчас помню,—с месяц тому назад был я на общем собрании. Ставился, помню, хороший доклад об оживлении. Доклада я, конечно, не слушал, потому что обо всем этом уж было в газетах,—и думал:

— Что верно, то так. Резолюция моя, в общем и целом, такая: желаю оживляться.

И наметился добровольно в актив.

Но тут вдруг такое пошло, что уж не до оживления, а хоть бы в баню сходить, так и то от усталости умственных способностей нехватает!

Нынче—доклад. Завтра—доклад. Через два дни—доклад. О вовлечении. О страхах. О перевыборах делегатов.

На четвертый доклад я не пошел. Но перед пятым докладом взяли меня под зебры:

— Вы чего ж это, товарищ, в прошлый раз не присутствовали? А еще актив называетесь!..

— Дык вить невозможно же!—говорю.—Ни тебе газетку почитать, ни с мыслями собраться, ни оживиться...

— Вот и оживляйтесь. Все доклады об этом. В порядке проведения кампаний!

Ладно. Пошел.

А через два дни—опять доклад. И через пять дней. И через неделю. И снова...

О шефстве. О колдоговорах. О перевыборах фабзавместкомов. О работе совета. Опять об оживлении. О кассах взаимопомощи.

Слушать—не слушаю, потому что обо всем об этом есть в газетах. Но сижу,—надо же ж оживляться!

Попробовал было расписаться и уйти, — изловили в дверях:

— Как не стыдно, товарищ! Нечего сказать, хорошее оживление. А еще актив!..

Сижу.

И чувствую, что в мыслях у меня полное смешение, и даже опиум в голову кинулся:

— Как же так,—думаю,—бога нет? А откуда ж устроено, что народ разделен на докладчиков и на остальных, и что докладчиков больше, а прочих меньше? Не иначе, как от господ это...

Однакоже оживляюсь.

До того дооживлялся, что на прошлой неделе,—только-то сели мы с женой обедать,—задаю вдруг недоуменный вопрос:

— А докладчик-то где же?

— Какой,—спрашивает жена,—докладчик?

— Обыкновенно какой... Сидим, а докладчика нету!

Но тут уже даже жена взяла слово против:

— Этого,—говорит,—не доставало, чтоб еще по домам ходили докладчики! Дома некогда оживляться: мне, как я делегатка, нужно нынче несколько вопросов проработать к завтрашнему разговору с завкомом... Типун тебе на язык!

Типун не вскочил. Но тут я вспомнил, что надо мне спешить на собрание:

— Доклад о массовой работе и о выдвижении актива.

А вчера опять было общее собрание. Четыре доклада. В порядке ударных кампаний по оживлению.

И почувствовал я себя нехорошо...

Вернулась жена. С доктором. Заголосила:

— Да что ж это ты надумал-то!.. Да жить бы тебе и жить!.. Да хорошо-то бы б как!..

— А что,—спрашиваю,—хорошего-то?

— Ну, как—чего хорошего... Оживление, активизация... Завтра на собрание бы пошел: доклад такого-то, антиреспективный,—об вовлечении!..

— Что-о?..—говорю.— На собрание? Нет, буду уж помирять!

И испустил дух.

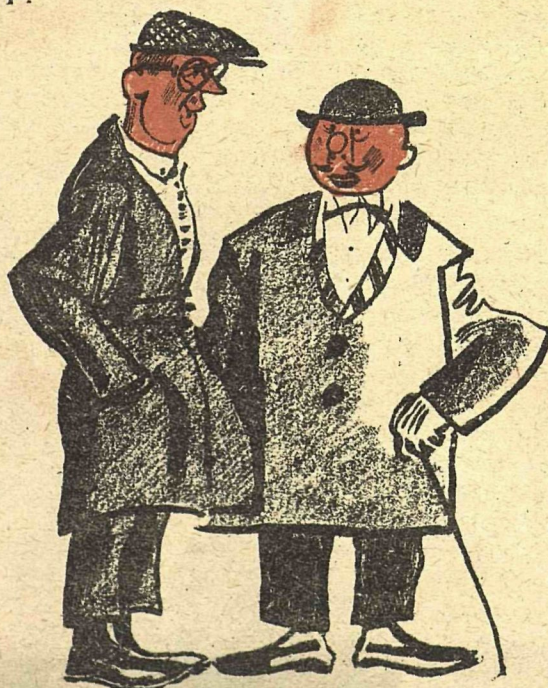
Доктор выслушал меня — и постановил:

— Смерть от оживления.

Грамен.

СРЕДИ БЫВШИХ.

Рис. К. Р.

— Что будет в следующем номере „Крокодила“?
— Это будет специальный номер „на счет оживления профсоюзов“.
— А... Нас это не касается.

ФАКТ.

Это было в воскресенье. Новожилов сидел у Арсентьева курили «пушку» и разговаривали о политике.

— Да,—вздыхнув, сказал Новожилов.—Во что бы то ни стало нам, партийцам, необходимо завоевать деревню. Но как?

— Но как?—вздыхнул и Арсентьев.

— Да так, очень просто; пойти в деревню и завоевать ее!—не колеблясь, настаивал Новожилов.

— Ты с ума сошел?

— Все не сошел. А ты ничего не понимаешь... Скажи, пожалуйста, почему это Новожилов и Арсентьев по воскресеньям должны разговорами прохладиться—вместо того, чтобы пойти в деревню и вести агитацию? А?

— Да погоди...

— Чего, там погоди. Вот оно, Сергеево, под самым носом, — тьма, некультурность. А мы сидим и языком лопочим... Время митингов прошло. Дело, дело подавай, дорогой товарищ!

А что же ты предлагаешь?

— Идем, вот что! Сейчас же идем в Сергеево... Только дай немножечко подумать. Ведь к крестьянину нужен особый подход. О, здесь необходима хитрая механика!..

Новожилов насупил брови, минут 5 подумал — и вдруг радостно, хлопнув Арсентьева по плечу, вскрикнул:

— Идет! Есть! Нашел! Молодец, Новожилов!..

— В чем дело?

— Тебя не касается, идем раздавим бутылочку горькой!..

* * *

— Понял?

— Ничего не понял.

— Дурак. Спрашиваю, — понял, для чего выпили?

— Не-ет.

— Ну, так слушай, телячья твоя голова! Прежде чем идти в деревню к крестьянам, для того, чтобы они с большим доверием отнеслись к нам, как к партийцам, необходимо «опроститься». Понял? Выпить надо. О, я знаю русского мужика! Я сам из крестьян. Если к нему завидишься так, франтиком, в кепочке, пиджачке, — зря! Сколько ни работай языком, он тебя все равно не услышит. А надо вот так, — выпить, притти к нему, икнуть и сказать: ну, как, Иван или Степан, живем? Плоховато? Во-о! Тогда вынимай бутылку, ставь на стол—пей с ним, ешь с ним. Одним словом, общайся. И между прочим, тут и о Антанте, и о Цанкове, и о сельхозналоге, и о МОПР'е — навораживай, навораживай! Куй железо, пока молот в руках. Идем!..

* * *

— Это что? — сказал Новожилов, ткнув сапогом в телегу.

— Телега,—ответил хозяин, испуганно оглядывая гостей.

— Вот где наше зло! В Америке на 5 человек приходится автомобиль, а у нас еще до сих пор отрывки старого режима. И поэтому нет увязки в нашей работе. Вот что тормозит и не дает ходу нашему СССР!..

И он смачно сплюнул на заднее колесо.

Арсентьев, стоявший тут же, подошел к хозяину и пролепетал:

— Дядя... милый... мы... Вот я и он... мы тебе трактор подарим, а на телегу плюнь... честное слово, плюнь... Ну ее к чорту... Буржуазное отродье!

Владелец телеги тревожно оглядывался, не зная, бежать ли ему или кричать караул... А Новожилов уже стоял на телеге и изо всех сил бил по ней дубиной, выкрикивая:

— Да здравствует трактор!

— Долой телегу!—пищал Арсентьев и кирпичом дубасил по спицам колес.

— Не плачь, хозяин. Не плачь! Завтра же вышлем трактор. А сейчас давай вместе уничтожить этот предрассудок царского режима!..—хрипел Новожилов.

Какой же это факт?—спросит удивленный читатель... А такой, самый обыкновенный, случившийся с рабочниками фабрики № 13 «Комсомолец», Владимирской губернии.

Б. Левин.

МАША-ДЕЛЕГАТКА.

«В деревне, как выберут делегатку, так про нее и забудут. Никуда не зовут, ничего не объясняют».

(„Беднота“).

Маша Гладкова работать здорова.

Дома у Маши работ полон рот:

Топка, да стирка, телок да корова...

Днем-то с делами, а ночью прядет.

Думает Маша у печки, у грядки:

«А для чего это есть делегатки?»

То-ли открыто, а то-ли украдкой,

Вышло такое... Не в сказке сказать...

Выбрали Машу такой.. делегаткой...

Взвела от ужаса Машина мать:

— Ну, подвезли ж односельцы досадку!..

Ой, затаскают теперь делегатку!..

Толки в совете... Собрания в ячейке,

Что-то докладчик кричит во весь рот...

Маша в избушке на старой скамейке

Целую ночь... прядет.

День за денечком бежит по порядку...

Нет, куда не зовут делегатку.

Маша Гладкова работать здорова...

Дела не мало, работ полон рот:

— Топка да стирка, телок да корова...

Днем молотила, а ночью прядет.

Нитки-то ровны, а мысли не гладки:

«Эх, для чего это есть... делегатки?»..»

М. Андр.

СВЕРХ-ОСВЕДОМЛЕННАЯ ГАЗЕТА.

Рис. К. Ротова.

ПЕРЕД МАНЕВРАМИ.

— У тебя нет вчерашнего номера „Рабочей Москвы“?
— На что тебе?
— Там была опубликована секретная дислокация наших маневров *)... Не нужно будет ездить на разведку.

*) Невероятно, но факт.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ

ТОМАС

Исправление небольшое, но существенное.

О ХОРОШЕМ ТОНЕ.

(Памятка совбюрократа).

Входить в кабинет начальства надо с докладом, верою и благоговением.

Подчиненного принимать надлежит с таким выражением, видя в котором укоризну, подчиненный сразу ощущает робость, чувствует за собою тайную вину и думает:

— И угораздило же меня, прости господи!

Но как писать начальству и предписывать подчиненному?

Дабы и в области письменных сношений держаться верного тона, без нежелательных уклонов, надлежит вырезать прилагаемые при сем правила и образцы начал и концов, наклеить дома на стенку и впредь ими неукоснительно руководствоваться.

Начальством является всякое лицо, получающее ставку по высшему разряду, высшую нагрузку, старшее по службе или просто вниманием и милостями означенных лиц выисканное.

Письменное к начальству обращение, в зависимости от размеров, именуется докладом, докладной запиской, заявлением или прошением. Как и в шахматах, надлежит прежде всего изучить начала и концы названных произведений, ибо, во-первых, середина зависит от таланта и изобретательности, а во-вторых—начальство читает только обращение и подпись. Поскольку они соответствуют,—начальство кладет резолюцию:

— Доложить.

Если же не соответствуют, хотя бы по отдельности, то резолюция гласит:

— Отказать.

Посему следует обращаться и подписываться при адресовании:

А. К лицу 17-го разряда, плюс 50 проц. нагрузки тарифа ответственных работников:

— Настоящим честь имею покорнейше просить вас, уважаемый товарищ...

И заканчивать:

— Примите уверение в совершеннейших к вам уважении и преданности.

И строкой ниже:

— С коммунистическим приветом имею честь быть вашим покорнейшим слугой.

К лицу такого же чина, но обычного или производственного тарифа (не ответственного), из обращения выбрасывается «уважаемый товарищ», а в окончании отсутствует преданность.

Б. Шестнадцатый разряд с соответствующей нагрузкой по ответственному тарифу:

— Настоящим покорнейше прошу вас, уважаемый товарищ...

Окончание:

— С коммунистическим приветом остаюсь вашим покорным слугой.

Для неответственного тарифа выкинуть лишь «уважаемого товарища»; окончание одно и то же.

В. Пятнадцатый разряд требует следующего обращения:

— Настоящим имею честь просить...

Окончание:

— С коммунистическим приветом ваш...

Г. Четырнадцатому разряду и ниже можно писать просто:

— Настоящим прошу не отказать.

Для четырнадцатого разряда все дело кончается просто коммунистическим приветом, а для низших—пишется кратко:

— С ком. при

При обращении к равному употребляются два слова:

— Благоволите указанием...

Подписывается такая бумага:

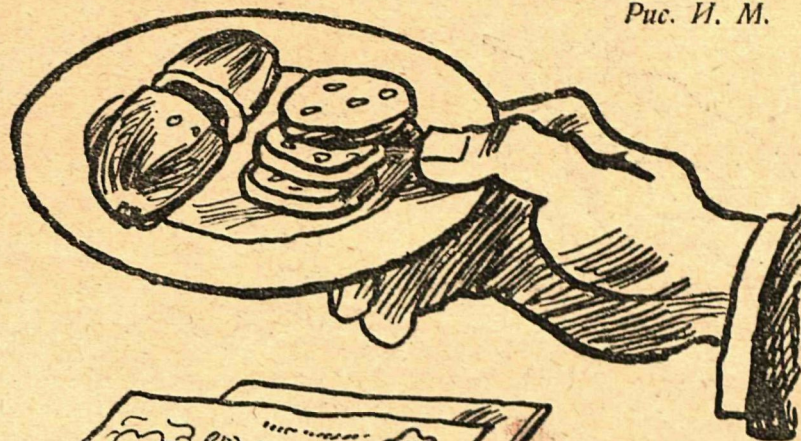
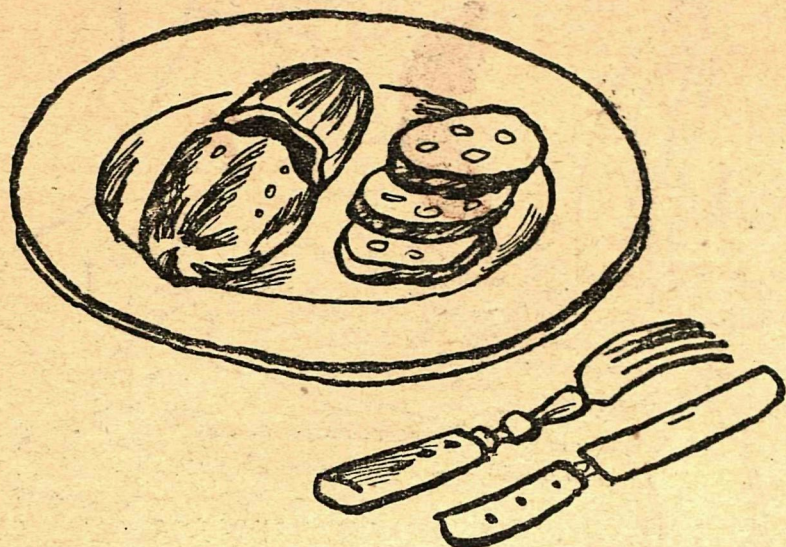
— Заранее благодарный и готовый к услугам...

Что касается подчиненных, то с теми дело просто. Существует всего четыре формы начал: «предлагается с получением сего немедленно», «предлагаю с получением сего немедленно», «немедленно с получением сего» и просто «предлагаю». Все эти формы употребляются в зависимости от склонности начальства и от заслуг подчиненного. Само собой разумеется, что ни коммунистического привета, ни заранее благодарного не может быть и следов. Просто подпись. А чтобы подчиненный чувствовал,—ставится просто заковырзя с хвостиком, а фамилия начальства (в скобках) печатается на машинке.

Вот и все. Но это «вот и все»—необходимо знать в точности и тонкости человеку, не желающему получить предупреждение за две недели о «непригодности к занимаемой должности».

В. Павлов.

Среди накладных расходов наших хозяйств попадает расход «на деловую закуску».

Вот она, эта скромная, но деловая закуска. Спрашивается: почему она так дорого обходится?

— Потому, что сумма расхода определяется не тем, что лежит на тарелке, а тем, что под оной.

ПАРТНАГРУЗКА.

В одной станичной ячейке членам партии поручили следить за Индией, Балканами, Америкой, и это считалось партнагрузкой.

(Из доклада тов. Ярославского).

Из ячейки Курков и Куцапки вышли вместе.

— Ну... да...—озабоченно почесал в затылке Куцапки:— Не жисть, а прямо интервенция...

— Податься некуда...— вздохнул Курков.

— Категорически и фактически некуда!— поддержал его Куцапки:— говорят, следи за Америкой,— вот тебе партнагрузка. А как за ей, подлой, уследишь, когда она, может, от нашего села за тыщу верст? Ну, так будем говорить, читал я о ней в газетах. Сильно, так будем говорить, капиталистическая сторона. И Кулидж в ней за главного. И живут в ней американцы. А дальше что?

— Дальше нечего,— согласился с ним Курков.—Куда уж дальше!

— Тебе хорошо,— ворчливо продолжал Куцапки:— тебя за Китаем заставили следить. Все-таки Китай поближе, в общем и целом. Потому тебе в международном масштабе работать легче. А мне каково!

Замолчали. Под ногами чавкала вязкая осенняя грязь. У околицы лаяли собаки. Кое-где в темноте осенней ночи тускло светились континки в окнах молчаливых изб.

— Прощевай пока,—сказал Куцапки, подходя к своей избе:— а насчет работы в международном масштабе и головы не одумаю. И насчет кооперации смекаю, и насчет других делов, а тут—ни тень-тень, ни за веревочку!

— Надо ловчиться,— уныло отозвался Курков:—требуется нагрузка, ничего не подедаешь!

Через несколько дней, встретив на улице Куцапкина, секретарь ячейки спросил:

— Ну, как дела? Следишь?

— Слежу,—угрюмо ответил Куцапки:— а то как же! Слежу, будь покоен!

— Ну, и ладно,—обрадовался секретарь:— а там, глядишь, на собрании маленький доклад об Америке сделаешь. А то наши парни насчет международных дел слабоваты.

— Ладно уж,—вздыхнул Куцапки и побрел дальше. Навстречу ему шел Курков.

— Следишь?—спросил его Куцапки.

— Приходится,—бодро отозвался тот:— раз надо, значит, конечно. Теперь у меня Китай, можно сказать, весь в башке сидит.

— Как же это ты ухитрился?—завистливо взглянул на него Куцапки.

— Методу нужно иметь, друг ситный!— покровительственно похлопал его по плечу Курков:—поймай методу эту самую за хвост, и вся недолга! А пока прощевай! Некогда мне с тобой валаандаться.

Куцапки посмотрел ему в спину и с завистью пробормотал:

— Ловкач-парень! И слова разные знает. А где ее, методу эту самую, найти? Шут ее знает, что это за штука!

Через месяц на общем собрании Куцапки выступил с докладом об Америке.

— Я, товарищи, скажу вкратце,—объявил он, конфузливо потирая руки:—Америка, так будем говорить, сторонака шибко капиталистическая... И живут в ней мериканцы... А главным там Кулидж орудует! Опять же, капиталистические акулы, которых жадность...

Куцапки замолчал, кашлянул, беспомощно огляделся и добавил:

— Вот, кажись, все, товарищи! А в остальном присоединяюсь к мнению предыдущего оратора...

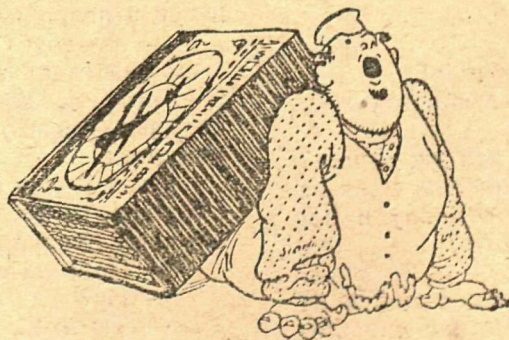
Развел руками и, сопровождаемый укоризненным взглядом секретаря ячейки, юркнул в толпу.

— Следующий доклад товарища Куркова о Китае!—провозгласил председатель.

Курков встал, кашлянул и бойко начал:

— Китай, иначе Полнебесная империя, имеет 350 миллионов жителей, которые зовутся китайцами. Отличаются они трудолюбием и

Рис. Л. М.

займаются земледелием. Посла в Китае зовут Караханом...

Курков замолчал, потер ладонью лоб и пробормотал:

— Извиняюсь, товарищи. Я чичас!

Вытащил из кармана засаленную, растрепанную книжку и, шевеля губами, стал ее перелистывать. Секретарь ячейки оттащил его с места за полу пиджака и сердито сказал:

— Будя! Это ты откуда таких вещей навхватался?

Курков молча протянул ему книгу.

— «Учебник географии, издание 1900 года»,—прочитал секретарь и спросил:

— А насчет Карахана откуда ты узнал?

— Из газет, что в прошлом месяце ты из города привез,—с конфузливой улыбкой пояснил Курков.

На другой день на заседании бюро ячейки секретарь говорил:

— Оказывается, товарищи, Куцапки и Курков для серьезной работы не годятся. Придется их направить на какую-нибудь пустяковую. Пущай в кооперации поработают!

Н. А. Карпов.

РЕКЛАМА—ДВИГАТЕЛЬ... ГЛУПОСТИ.

Огромная работа проделана по возрождению Красного морского флота. Нынешний красный военмор—образец дисциплинированности и гражданской выдержанности. А вот как пивная реклама использует военмора:

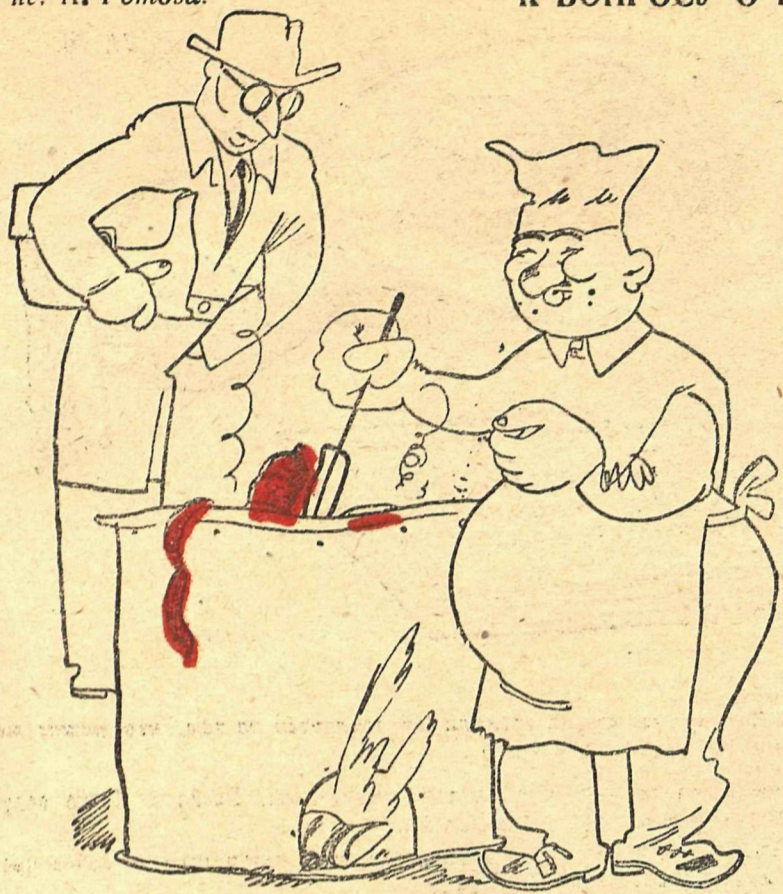
В Харькове есть на стенах вокзала расписание движения поездов. Тут же на этой доске, с целью рекламы—рисунок: моряк с лицом хулигана, в руках моряка бутылка с пивом, и сбоку надпись:

«Плюю на всякую аварию
И пью Новую Баварию».

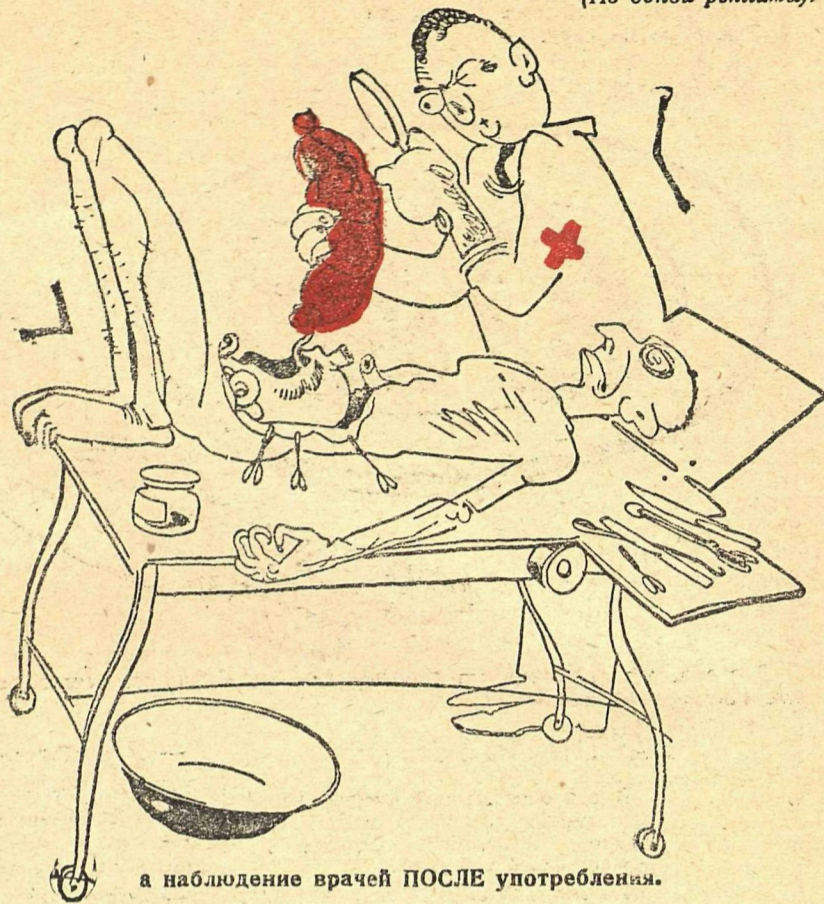
Как видит читатель,—недурное применение девиза—«Все для рекламы».

На рекламные эти рифмы ответим рифмой фактической:

В рекламе сей повинна чья рука?
Де-факто видно: дурака!

А дело в том, что наблюдение специалистов происходит ДО употребления колбасы в пищу...

а наблюдение врачей ПОСЛЕ употребления.

НАПРАСНОЕ БЕСПОКОЙСТВО.

Завкомец Кувакин с озабоченным видом подошел к группе рабочих. Почесал в затылке, переступил с ноги на ногу, деланно улыбнулся и, поймав паузу, вступил в разговор:

— Что я вас, товарищи, хотел спросить... Не знаете вы, кто у нас в ревизионной комиссии? Такой грех, понимаете, случился—забыл! Забыл и никак вспомнить не могу. Все время помнил—и вдруг—хе-хе!—забыл. Бывает же такое.

Рабочие зашевелились.

— Ревизионная комиссия? Постой, постой... Троих мы, помню, выбирали. Помнишь, Иван Лукич? Троих ведь?

— Ну, да, троих.

— Вот и я помню, что троих. А кого—вот и не припомню. Вот, ведь, штука какая... Иван Лукич, ты не помнишь?

— Как же не помнить—помню. Троих выбрали.

Лицо Кувакина загорелось надеждой.

— А кого?

Иван Лукич деловито наморщил брови:

— Кого?... Чорт его знает, кого. Если бы знал бы—сказал бы... Постой, постой...

— Ну?

— Не Бутузова ли, Алексея Степанова? А?

Кувакин презрительно махнул рукой:

— Э, брат! Вспо-омнил! Бутузова! Это когда было? Года три тому назад. Я тогда первый год только в завкоме сидел. Бутузова-то я и сам лучше тебя помню.

— Ну, тогда надо Арбузова спросить. Иди прямо к Арбузову,—он тебе все вспомнит. Он—парень дошлый.

— Да я уж был у него. Спрашивал.

— Ну?

— Ну, не помнит он тоже. Кажется, говорит, Ивана Лукича Гвоздева выбирали.

— Это меня, значит?

— Ну, да! Выходит, так!

— Плюнь ты ему в глаза! Эку штуку выдумал!

— А ты припомни, Иван Лукич,—может, и вправду тебя выбрали?

— Да что вы, истинный господин! С ума, что ли, сошли? Что я, себя не знаю, что ли? Ни в какую комиссию меня не выбирали. Чай, протокол-то есть? Ты по протоколу и посмотри. И нечего зря на людей поклеп взводить.

Кувакин печально вздохнул:

— Протокол. То-то и оно-то, что протокола найти не можем. Был бы протокол,—нешто я стал бы вас спрашивать?

— Да что тебе так приспичило с ревизионной комиссией?

— Из губотдела требуют. Чтобы все в порядке было... Так не знаешь, стало-быть?

— Нет.

— Ну, побегу еще спрашивать.

И Кувакин с озабоченным видом зашел по коридору. Рабочие переглянулись: Иван Лукич подмигнул и прищелкнул языком:

— Не спроста это он.

— Чего не спроста?

— А вот комиссию ищет. Не иначе, как у него что-нибудь не в порядке. Знает кошка, чье мясо съела.

— Он же говорит—из губотдела требуют.

— А ты и поверил? Ты видал, как у него глазищи бегали? Видал? Нет, брат, тут не в губотделе дело. Тут, брат, другим пахнет.

И, оглянувшись по сторонам, Иван Лукич добавил зловецким шопотом:

— Тут, брат, пахнет растратой!..

Собеседники загудели:

— Ну—это положим! Мы ему по рукам-то ударим!

— Мы ему пропишем ижицу.

— Перо вставим, в случае чего. У нас деньги-то тоже ведь не казенные. Мы ему...

Иван Лукич презрительно засмеялся:

— И ничего вы ему не сделаете. Где у нас ревизионная комиссия? Где? Ну?

Десяток голосов готов был обрушиться на Ивана Лукича,—но он вдруг заморгал глазами и зашипел:

— Ш-ш-ш-ш...

Все оглянулись. По коридору с какой-то бумажкой в руке быстро приближался радостный, повеселевший Кувакин.

Остановившись около собеседников, он широко улыбнулся и погрозил пальцем Ивану Лукичу:

— Ну, вот! Слава богу! Нашли протокол. И в протоколе

этом значится черным по белому: постановили выбрать в ревизионную комиссию Ивана Лукича Гвоздева. Первым помечен. Так что будь добр, Иван Лукич, завтра в семь — заседание!

Иван Лукич непонимающим взглядом поглядел на собеседников, на веселого Кувакина, почесал в затылке и вдруг поманил Кувакина пальцем в сторонку.

— Поди-ка сюда. Сюда, поближе...

— Ну?

— Ты что... растратил, что ли?

— Нет. Все в порядке.

— Так какого же ты чорта людей беспокоишь?

Вас. Лебедев-Кумач.

ИВИАЛЫ В БОК

О ТЕМПЕРАМЕНТЕ И ЖЕЛДОРСЕТИ.

Председатель рабочкома № 40 на ст. Богманлы, Джульфа-Бакинской ж. д., Исмаилов выстроил чернорабочих в шеренгу и начал сортировать. Чья физиономия понравится—вправо, чья не понравится—влево. Так девять рабочих и сократил. Когда жена одного из сокращенных пришла проситься к нему на работу, он начал приставать к ней и обнимать. Она ударила Исмаилова по лицу. Тогда он упал на колени и начал умолять никому не рассказывать о случившемся и немедленно устроил ее на работу.

Если и дальше дело пойдет так же, то профсоюзная работа в рабочкоме безусловно оживится: на лице Исмаилова не останется ни одного живого места.

ГРОМКОМОЛЧАТЕЛЬ.

В рабочем клубе имени Профинтерна, в Иваново-Вознесенске, поставило правление радио с одной парой напильников и слушало концерты только само. Теперь ухлопало 500 рублей на громкоговоритель, а он стоит вот уже сколько времени и ни слова не пикнет.

С громкоговорителя—что ж с него взять?.. Бывает, что и рабочие придут в клуб, на общее собрание и тоже ни слова не пикнут. Молчать, оно и себе спокойнее, и правлению...

ДЕШЕВКА.

Выписка из кассовой книги исполкома селения Карачево, Прималкинского окр.

Приход: получены с Гисы Ворохова и Кинивец штраф за кражу девицы и леса—14 рублей.

Казначей Доходов.

Вот как дешево, ежели оптом воруют: и девицу, и лес... В розницу, пожалуй, дороже бы взяли.

НЕ ОТСТАЮТ.

Рис. Ю. Г.

— Что это у вас бумагея подорожала?

— Это мы с частным конкурируем. Он вчера накинул цену—а нам что, глядеть?

НЕ НА МЕСТЕ.

Сообщают «Крокодилу»:

«В Окорокковском районе, Тульской губернии, секретарь райсельсовета Абалин, с крестом в одной руке и с псалтырем в другой, старух от всяких недугов и болезней отчитывает».

Вот как у нас плохо используют работников! У человека призвание отчитывать, а его, того и гляди, заставят отчитываться. Его ли это дело?

БОРЬБА СО СТИХИЕЙ.

Вот как борется местхоз Акмолинского губернского округа с пожарами.

«Циркулярно: 1. Борьба заключается в том, что необходимо после каждого пожара в отдельности составлять акты, которые имеют форму указанных центром, и в таковых указывать необходимо причину пожара, что сгорело и стоимость причиненных убытков, тем самым нам вообще удастся уничтожить врага—огонь».

А каким «тем самым вообще» удастся уничтожить еще одного врага: совдурацкую канцелярщину?

С ней, пожалуй, никакими циркулярами не совладаешь.

ЗА СЛОВАРЕМ В КАРМАН НЕ ПОЛЕЗЕШЬ.

15 сотрудников ОГПУ, в Новороссийске, в июне 1924 года, внесли агенту Госиздата Преображенскому по 10 руб. с человека за полный политический словарь, который был им обещан в «скором времени». Прошел июль 1924 года, прошел июль 1925 г., а словарь все еще не получен.

Странно, что политический словарь начинается со слова на букву В.: волонита...

КОРОТКО И ЯСНО.

Вот как работают в Вологде:

«Во всей ячейке РКП(б) 1-го райкома. Первый райком РКП(б) предлагает сделать вырезку из газеты «Красный Север» № 191 резолюции совещания советских ячеек 1-го и 2-го райкома, от 19 августа сего года, и таковую подшить к соответствующему делу. За зав. Общим Отделом 1-го райкома РКП(б) Петропавловская».

Правильно сказано: подшито, и с плеч долой!

ДО СЕДЬМОГО КОЛЕНА.

Командир взвода П. Л. Козлов сообщает нам следующее:

«Будучи в отпуску в селе Плехове, совместно с тремя комсомольцами составил стенгазету «Борона». Сейчас я получил письмо, где мне пишут, что приехавший в Плехово предвик Литвинюк приказал сельсовету—немедленно снять стенгазету и вместе с редактором представить в ВИК. И когда сельсовет ответил, что редактор уехал в армию, тогда предвик потребовал брата редактора—А. Л. Козлова».

Хорошо еще, что предвик потребовал только брата. А ведь мог бы потребовать «представить» и бабушку, и отца, и мать Козлова. И как это ему в голову не пришло? А еще власть!

РОДСТВЕННИЧКИ.

Нам сообщают из Себежа:

«Секретарь Укома РКП(б) тов. Беспалов устроил заведующим магазином центрального рабочего кооператива своего дядю—не члена профсоюза и не спеца. Протесты со стороны членов профсоюза и партийных товарищей бесполезны. Ревизия недавно обнаружила у этого «дяди» растрату в 1.000 рублей. Дядюшке пятьдесят лет».

Тысячу рублей растратил: по этой части, стало-быть, спец. А что не член союза, так это плевать. Зато он—дядя секретаря Укома.

ВОЛКИ.

Крестьяне села Окатово, Владимирской губернии, обратились к своему шефу—Курловскому стеклозаводу—с просьбой устроить облаву на волков. Союз охотников Курловского завода ответил:

«Мы на облаву выехать можем только при следующих условиях: перед облавой дня за 3—4 вышлем одного охотника, которому нужно платить 3 рубля суточных и выслать для стрелков лошадей»...

Ничего тут удивительного... Всегда так: «На охоту ехать... шефа кормить».

ОТЧЕГО ЖЕ, МОЖНО...

Нам пишут:

«Товарищ «Крокодил», пожалей нас, провинциальных работников печати. Такие факты у нас нередки. Вот: на днях приходит к нам в редакцию чувашской газеты «Канаш» член коллегии наркомсобреса Чувашской ССР тов. Кузнецов и требует, чтобы поместили в газете его раешник. Когда ему сказали, что поместить нельзя, так как раешник никуда не годится, то Кузнецов осерчал и пригрозил: заставлю поместить мой раешник через обисполком».

Товарищ Кузнецов,—ну, что вам за охота с какой-то газетой связываться? Если уж так хочется. пропечататься,—пожалуйста на страницы «Крокодила». Хорошему гостю завсегда рады.

СЛУЧАЙ ИЛИ ПЕРСТ УКАЗУЮЩИЙ?

Когда канцеляристам делать нечего, они начинают выдумывать новые формы отчетности.

Правление треста «Югосталь» установило особую реестровую отчетность для заводов по отправке ими корреспонденции. Печатные реестры на больших листах с отдельными графами для корреспонденции, с приложениями и без приложений.

В «Крокодил» доставлен один экземпляр такого реестра. Приложение к реестру гласит:

«Просим выслать пассажирской скоростью тысячу палок кизилowych, толщиной 50 миллиметров, длина два метра, телеграфте.

Иванченко.

Нет ли какой скрытой связи между этой телеграфной просьбой и введением реестровой системы? Если палки нужны для изобретателей реестра, то хватит ли одной тысячи палок, и достаточна ли с педагогической точки зрения толщина в 50 миллиметров?

НА ВСЕ РУКИ МАСТЕР.

17 мая с. г. инспектором труда, Валуйского уезда, производилось обследование Валуйского Гор. П. О. На акте ревизии председатель правления Гор. П. О. наложил следующую резолюцию: «Местному настоячиво требовать от правления произвести расчет со страхкассы. Проследить за магазинами, чтобы своевременно открывались и закрывались. Настоячиво требовать от правления приобрести умягчители и, вообще, следить за правилами внутреннего распорядка. М. Мельников».

Очевидно, у председателя правления Мельникова правая рука не знает, что делает левая. А дела у него много: и за местком, и за правление, и за ревизора работает. Хватит ли рук?..

КРЫСИНЫЙ РАЙ.

Не жизнь, а сплошная масленица крысам в Суздале, Владимирской губ.

Выездная сессия Владимирского губсуда в показательном процессе по делу Суздальской конторы райсоюза, нашла возможным списать на с'едение крысами баранок в лавке—320 р. 35 коп.

Вот куда следует обратиться театру Мейерхольда, недавно печатавшему объявление о массовой закупке крыс,—в Суздаль. Там крыс откармливают специально баранками, и эти животные найдутся всякого сорта: и четвероногие, и двуногие. Стоит только отыскать в Суздале кооператив с лозунгом «Лицом к крысам!».

ДОЛЯ БАТРАКА.

Вот как проходит в селе Пестяках, Шуйского уезда, кампания по вовлечению батраков в профсоюзы:

Для созыва организационной конференции каждому батраку посылалась повестка, в которой было написано:

«За неявку будете привлечены к ответственности»...

Теперь пускай батраки попробуют не вступить добровольно в члены профсоюза! Па-асмотрим!!

СЧАСТЛИВЫЙ БРАК.

«Зав. здравотделом Марийской области, Балашов, приняв на службу в детлечебницу свою жену, Боярскую, в качестве зубного врача, заключил с ней договор на следующих условиях: «Содержание в месяц 80 руб., 4-часовой рабочий день. Сверхурочные в полуторном размере. Готовая квартира и лошадь. Через каждые три месяца отпуск в Казань для посещения театров»... К тому же, корреспондент сообщает: Боярская—не-член Медикосантруд».

Это чепуха—зато она жена зав. здравотделом... А еще затем в евангелии говорится, что муж должен заботиться о своей супруге и предоставлять ей наилучшие условия.

СВЫСОКА.

В Торжке поведение почты загадочно:

Полтора месяца ремонтируется здание почты, а администрация так и не удосужилась вывесить объявление, что почта перенеслась в верхний этаж, и ход туда со двора.

А зачем вывешивать объявление? Можно найти почту по запаху: от почтового начальства в Торжке, наверное, дух идет сильный. Старорежимную затхлостью несет!

НЕХОРОШИЕ ЧЕРТЫ.

Нам сообщают:

«Зав. партотделом газеты «Красный Урал» — Соколов обвел вокруг своего стола меловую черту, за пределы которой запретил вход репортерам».

Очень неприятные черты у этого Соколова... Такие неприятные, что, пожалуй, и его самого до неприятности доведут.

ОТЧЕГО РАЗВИВАЕТСЯ ПЬЯНСТВО.

В далекой Томской губернии, в Щегловском уезде, обнаружен стопроцентный шедринский тип—начальник районной милиции Комаров, пожелавший упразднить приказом пьянство во введенном ему районе. Вот этот приказ:

Уполномоченному Воскресенского сельсовета по дер. Ляпка.

В управлении милиции имеются данные, что в ближайшем будущем в вашей деревне будет производиться престольный праздник, в связи с чем предполагается усиление пьянства, в виду чего вам предлагается строго следить за недопущением последнего, для чего использовать сельисполнителей. В дни престольных праздников в вашу деревню мною будет выслан сотрудник вверенного мне района. В случае обнаружения последним пьянства в вашей деревне, вы будете отвечать, впредь до привлечения к уголовной ответственности по 108 ст. Уголовного Кодекса.

«Крокодил» несколько не сомневается, что ляпкинский уполномоченный, получив сей приказ, не дождался престольного праздника и запил с горя.

ТЯЖКИЙ ГРУЗ.

Рис. Ив. Малютина.

— Гнедой у тебя будто издоровый?

— Да ведь брюхо надорвал! Возил я наемни из города председателя. А при нем—анкеты и циркуляры... Вот и надорвался конь.

ЗАРУБЕЖНЫЕ РАЗГОВОРЫ:—Какая неприятность... Ходит с прибылью!

В КОРЕНЬ И ПОД.

МЫСЛИ МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ.

Человек познается в Орг-распреде.

Если не хочешь хлопот и переписки, то мобилизуй с разбором.

В мобилизационные дни работа рентгеновских кабинетов усиливается.

На десять твоих аргументов в Орг-распреде припасли сотню.

Незаменимость часто появляется при мобилизации и существует только до получения путевки.

Бессонница—болезнь мобилизуемых.

К мобилизованному ни у кого нет жалости.

«Один секретарь укома расхваливал приехавшему члену ЦКК работу комитета, заявляя, что сельчейки по уезду плохие».
(Из доклада на пленуме ЦКК).

— Ну, порассудите вы сами, товарищи и граждане, можно ли с человеком так обойтись, как это, между прочим, поступлено с секретарем нашего Сплюйского уездного комитета партии эркапэ?

Приезжает в наш Сплюйск из центру некто из цекуки и заявляется прямым сообщением в партийный комитет. Нашего же секретаря на испуг неожиданности взять не возьмешь, потому помещение укома в смысле чистоты, то на ять, всюду плевательки установлены, всюду надписано: «Курящих просят не курить», дорожки простелены, а в секретарском-то кабинетике, кроме ковров—Карл Маркс бюстом вылеплен, подставка под ним белая с красным приветствием: «До пролетариев разных стран от сплюйского укома». И на двери для порядку надписано: «Без доклада не заходить, а также здря по беспартийным делам не беспакойть», а по-над письменным столиком—то еще особое объявление: «Ежели вы пришли к занятому человеку, то уходите!»

То-есть, таковой во всем порядок, что жаль—немецкие делегаты сюда до нас не заезжали, а то б возрадовались ихние аккуратные сердечки.

Ну, только приехали заместо желательных немцев не немцы, а товарищ из центральной цекуки и, пожалуйста, сразу—нырк под вывеску партийного комитета.

Взбегает по троекратной лесенке и—с вопросиком до одного здешнего товарища:

— Извиняюсь, как до секретаря достаться?

— А уж и не знаю! — отвечает здешний: — у нас тут таковой порядок, что до их без доклада невозможно!

— А вы доложите!

— Доложить бы можно. Отчего и не доложить, да беспокоить не велено!

Пригорюнился тут будто товарищ из цекуки и намекает:

— А вы скажите секретарю, что товарищ из Москвы желает с им повидаться!

— Из Москвы?!.. Так бы сразу и сказали. Наш-то, секретарь-то, московских уважает... Конечно, ежели волостных и сельских, то не очень до себя допускает, а московских—пожалуйте!

И что б вы думали, товарищи-граждане: допустили человека до секретаря честь-честью, без доклада уважили его московское происхождение. Ну, да разве центру угодишь? Нет, чтобы за предпочтение померсикать секретаря:

— Весьма, мол, приятно. Очень это у вас к столичным людям уважительно, и вообще—чистота!

Центру этого мало. Заводит приезжий товарищ разговор с другой оперы:

— Об'ясните,—говорит,—товарищ, очень мне это интересно—в каких смыслах у вас с сельскими ячейками отношения?

(Дела твои, господи, — из самой столицы приперся, а сельским отношением интересуется. Ну, сразу видно, придирается!).

Секретарь ему на это с улыбочкой и вежливо:

— А очень просто: наши отношения таковые—пишем им отношения за номером, чтоб не затерялось и чтоб сполнение было!

— Так-с! И сами туда наезжаете?

— Особенно-то не ездим. Дороги у нас—скверные. Ну, да и ячейки того же качества... Какой интерес?.. После нашей-то образцовой постановки и глядеть не захочется!

— Стало быть, корни у дерева подрубаете?—спрашивает приезжий.

А секретарь ему на это с сердечной улыбочкой:

— Лесным делом-с также интересуетесь?..

Спрашивает этак с деликатностью. Рад наш секретарь показать московскому человеку свои образованные кругозоры:

— Мол, мы хотя сплюйские, но тоже не лаптем щи хлебам! Оцените, мол, нас!

Да разве там, в центре, что оценят?

Недели с того разговору не прошло. Глядь,—покатился наш секретарь колбаской из уездного комитета.

«Оценили!».. Эх...

Л. Митницкий.

**ЦИРКУЛЯРНО. СРОЧНО.
ЛИЧНО И ЗАОЧНО.**

**№
39**

**ВСЕМ ФАБЗАВКОМАМ и ГУБ-
ОТДЕЛАМ, ВСЕМ ПРОФРАБОТ-
НИКАМ В ОБЩЕМ и ЦЕЛОМ
ОБ'ЯВЛЕНИЕ**

ДЛЯ СВЕДЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ.

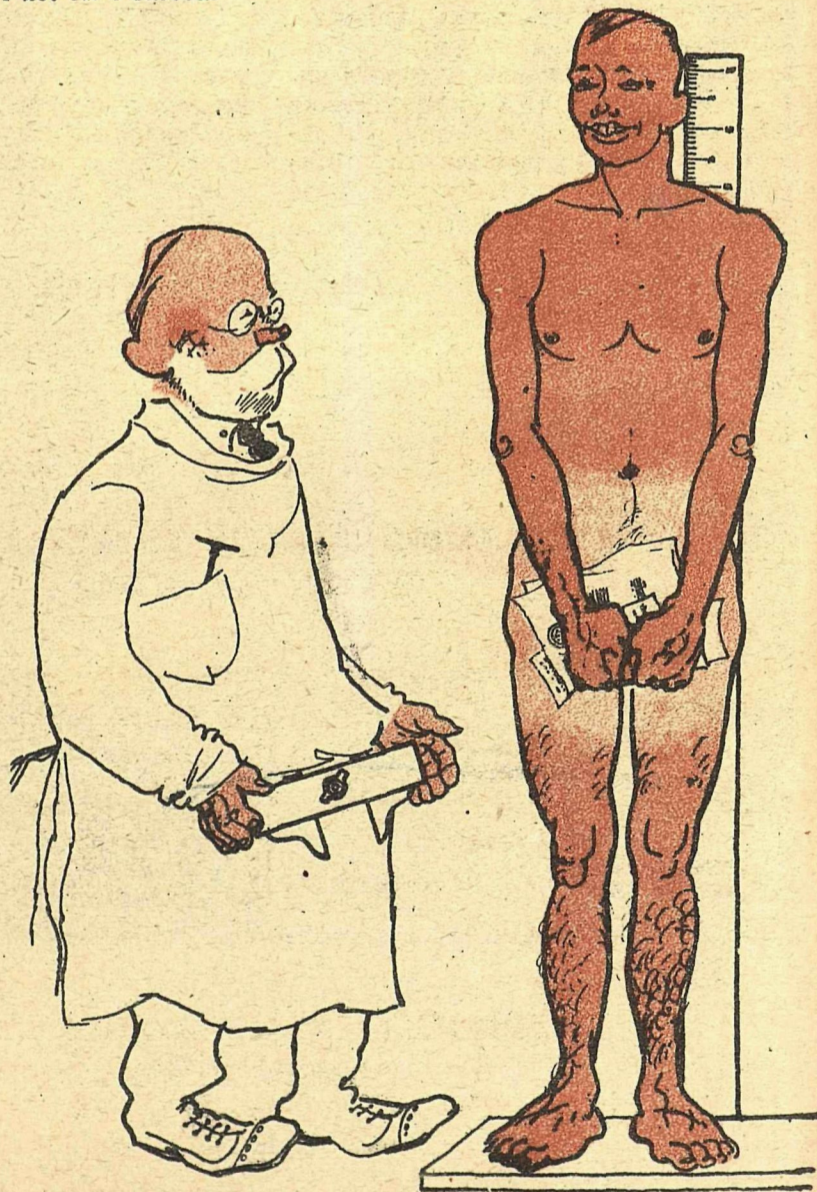
Улучшая качество своей продукции, „КРОКОДИЛ“ приступил к составлению ИНСТРУКЦИИ по оживлению ПРОФРАБОТЫ, каковая выйдет не позднее следующей субботы и будет помещена в журнале „КРОКОДИЛ“.

**15
КОП.**

Надо, чтобы каждый за „Крокодилом“ следил. Все, кто желает как следует оживиться—должны неукопнительно „Крокодил“ читать; один № пятнадцать копеек — два—тридцать. Подписка на месяц—сорок пять.

1903-й Г О Д.

Рис. К. Ротова.

— Голубчик мой, чем же я вас смерю? Вы же превышаете довоенную норму.

ЕЗДИТ.

— Я его доеду, туды его так! Спе-ец! Нонче со спецами-то... Ежели он мне при всем собрании слова, вроде будто я лодыр, то и я ему не уважу.. Дое-еду!!

Тут Игнашка спотыкнулся в какую-то колдобину, икнул, выматерился без адреса, сплюнул, погрозил в пространство кулаком и снова добавил:

— Доеду, так его!!!

Похмелившись на утро, Игнашка пошел не в цех, а прямо в завком. По дороге встретил ненавистного спеца, — тот ехал в город.

— Ага! На казенной лошади? Хорошо-с!

Войдя в завком, Игнашка хотел было перекреститься, но одумался и, крикнув, заявил:

— Вот что, товарищ секретарь... На счет спецу...

Секретарь потянул носом:

— Игнашка, опять ты не на работе, опять пьяный? Ведь, выгонят с завода-то! Лодырь!

— Первое дело, ты мне не тычь, — не Иван Кузьмич! Второе дело — маковой росинки у меня не было, — больной я, от того на работу не вышел. А кроме того, — не на твои пил! Ты бы вот за спецем-то лучше смотрел: опять в город поехал на лошади.

— Ну?

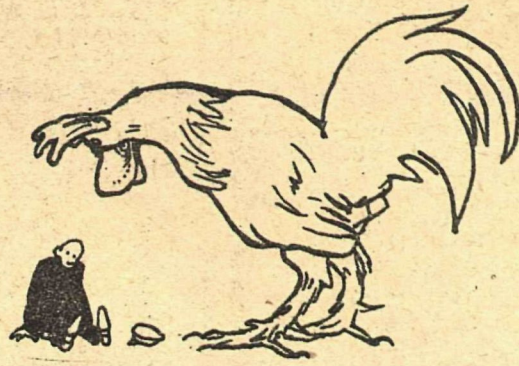
— Казенная лошадь-то, заводская, а он ездит!

— Да ведь по заводским делам-то, по казенным!

— Лошадь-то—еле-еле, а дорога чижолая... Так животную и ухондакать не долго...

— Говорили мы с правлением, чтобы машину купили, да денег вот нет... А на

Рис. Л. М.

лошади на этой смучаешься! Сколько человек времени-то потеряет...

— Так-с! Кому время спецово дорого, а кому и добро казенное... Пойти в ячейку зайтить...

В ячейке Игнашка застал технического секретаря. Отозвав его к окну и оглянувшись, Игнашка шопотом заявил:

— Ездит... Как я на страже пролетария, то—вот! Сообщал завкому, —безо внимания. А он ездит... На казенной лошади... Дорога чижолая, а лошадь—что? Одна названия! Ухондакает, говорю, лошадь-то! И спец-то беспартийный! В город, говорю, ездит!

Техсекретарь вытаращил глаза:

— Чудак ты, Игнашка! Как же ему не ездить, когда в городе правление? Он и ездит. Чего ты привязался?

— Хорошо-с! И тут та же лавочка? Ладно! Пойти до рабкора!

Однако рабкор был в цеху на работе и поймать его Игнашке до обеда не удалось. Но Игнашка не тратил времени даром: присел у стены, достал карандаш и обрывок бумаги и нацарапал:

«Спец ездит на казенной лошади, даром что беспартийный. Куды только все

смотрют? А дорога чижолая. Так животную и ухондакать не долго».

А когда поймал рабкора, сунул ему бумажку и шепнул:

— Подпиши, Вась, и гони в газету, — нехай пропечатают!

— А ты бы сам?

— Не! У тебя там рука, а я... Ды и не пойду я на такое дело, —век не судилси! И в роду у нас такого не было!

Рабкор прочитал Игнашкино творчество и плюнул:

— Глупость пишешь! По делу человек ездит, — понял?

Игнашка отошел, показал издали рабкору в спину кукиш и прошипел:

— Сам в рабкоры наймусь, а спеца доеду! Дое-еду, будь он...

К вечеру Игнашка нацарапал три послания о том, как «беспартийный спец ездит» и как легко «ухондакать животную». Послал без марок в три газеты и несколько дней ходил пьяный, похваляясь, что он спеца доедет.

Вскоре Игнашку с завода за прогулы и пьянство уволили. Он стал торговать самогоном, и за полбутылки ему каждый день какой-то бывший интеллигент писал о том, что спец ездит в город на казенной лошади. Заметки носили разные названия: «охрана труда, загляни сюда», «надо подтянуться», «пора перестать», «внимание кого следует», «куда смотрит завком», «поменьше бы таких» и т. д. Лошади уже давно нет, заводоуправление раскошенилось на автомобиль, а Игнашка все еще строит про то, как легко ухондакать животное и клянется, что он спеца доедет.

Некто Володя.

С 1-го октября 1925 года

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ на издания „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“

ЗНАЧИТЕЛЬНО Понижены.

С 1-го октября 1925 года „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ выходит со своими приложениями В 7 (семи) ИЗДАНИЯХ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

1-е издание.	4-е издание.	6-е издание.
„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ — 40 коп. в мес.	„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ } „РАБОТНИЦА“ } 70 коп. в мес.	„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ } „КРОКОДИЛ“ } 1 р. 10 к. в мес. „РАБОТНИЦА“ }
2-е издание.		
„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ } „КРОКОДИЛ“ } 80 коп. в мес.	5-е издание.	7-е издание.
3-е издание.	„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ } „КРОКОДИЛ“ } „ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ“ } 1 р. 10 к. в мес.	„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ } „КРОКОДИЛ“ } „РАБОТНИЦА“ } „ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ“ } 1 р. 40 к. в мес.
„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ } „ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ“ } 70 коп. в мес.		

Подписчики всех изданий, кроме 1-го, **БЕСПЛАТНО ЗАСТРАХОВАНЫ** в Главном Правлении Госстраха на случай смерти или увечий.

ПОДРОБНОСТИ УСЛОВИЙ СТРАХОВАНИЯ ЧИТАЙТЕ В „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЕ“

ПРИНИМАЕТСЯ ОТДЕЛЬНАЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ:

„КРОКОДИЛ“ 45 коп. в месяц.	●	„ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ“ 35 коп. в месяц.
„РАБОТНИЦА“ 35 коп. в месяц.	●	„ЭКРАН“ 25 коп. в месяц.
„МУРЗИЛКА“ 40 коп. в месяц.		

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: В Главной Конторе „Рабочей Газеты“ (Москва, Тверская, 3), во всех местных отделениях и экспедициях „Рабочей Газеты“ и во всех почтово-телеграфных конторах.

РОССИЙСКО-ЦЕНТРАЛЬН.
- 9 ОКТ 1925
КНИЖНАЯ ПАЛАТА

— Рабочие всех стран! Вы мечтаете о социализме—так идите же под это дерево. Под ним так хорошо мечтать!